Михаил
Востриков

Рассказы

Михаил Востриков

Рассказы

«Автор»
2026

Востриков М.

Рассказы / М. Востриков — «Автор», 2026

Рассказы в разных жанрах, написанные в разное время и опубликованные в различных литературных журналах.

© Востриков М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Лайфхакер Балякин 5
Писательница 15
Свои 24
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Михаил Востриков
Рассказы

Лайфхакер Балякин

«Сегодня все это назвали бы лайфхаками, а профессора Балякина лайфхакером. Но в СССР восьмидесятых годов таких слов не было. Поэтому буду пользоваться теми, какие были».

Так думал в тишине и прохладе комфортного кожаного салона роскошного черного лимузина Mercedes S-500, с открытым ноутбуком на коленях (он всегда работал в дороге), по пути в аэропорт Толмачево, ведущий журналист популярного московского журнала, не чуждого миру науки, Алексей Степанович Левин.

Он мысленно подводил итоги своей однодневной творческой командировки на малую родину – Новосибирск. А итоги эти были неожиданными. И как их все увязать в статье, Левин пока не представлял.

«Фантастика! Получается, что любовь-то и “купишь”! Причем недорого и самую настоящую. На всю жизнь! Если знаешь, как. Вернее, любовь нельзя купить, но можно создать условия, при которых она случается, или наоборот! А это и есть ал-го-ритм! Никогда бы не подумал, что таковые алгоритмы вообще существуют».

Левин улыбнулся собственным мыслям:

«Вот это я материал везу! Бомбу! Москва встанет на уши, а тираж журнала разберут на листочки еще в киосках “Союзпечати”!».

До поездки он уже мысленно расставлял акценты в будущей статье: «алгоритмы выживания», «советский лайфхакер», «учёный, который считает время валютой». А сейчас от такой расстановки ему стало стыдно. Потому что профессор Балякин, каким он его узнал сегодня, был не набором трюков, а человеком, который умел видеть систему там, где другие видели лишь хаос. И вот про это стоило написать. Если получится не испортить материал.

Дорогой айфон завибрировал. Пришло сообщение от шефа:

«Лёша, поторопись! Ярко. Красиво. Без зауми. Ближе к телу, это народу нравится».

«Ближе к телу… — проворчал Левин. — А Гусев попросил — не трогать личное! И как же теперь?».

***

В середине июня Левин получил редакционное задание написать статью в августовский номер к юбилею Виктора Александровича Балякина – профессора, руководителя НПО «Алгоритм», человека известного, достойного, уважаемого, и к тому же - самого крупного рекламодателя журнала. Кормильца и поильца, можно сказать!

– Леша, дорогой, в прямом и переносном! – явно намекая на его немалые гонорары, сказал шеф – главный редактор и однокашник Левина по филфаку МГУ. – Лишь на тебя уповаю, да не постыжусь вовек! Давай-ка, напиши юбилейную статью о Балякине, как ты умеешь. Такую, чтобы ах-х! И его фото поставим на обложку!

- Легко сказать, чтобы ах-х!», – пробурчал про себя Левин. – Балякин классический ученый, сухарь, педант: дом, работа и все. Что из этого может быть интересно массовому читателю?

***

Журналистом Леша Левин стал не сразу. Сперва, как и большинство выпускников филфака МГУ он грезил призрачной славой великого писателя. В съемной квартирке на окраине Москвы кропал по ночам свои нетленки: романы, повести и рассказы, которые, вроде как, брали безгонорарные журналы-«толстяки» и даже хвалили. Однако гонорарные книжные издательства все заворачивали – не продаваемо, заумно, не для массового читателя.

А с утра Лёша шел зарабатывать свой хлеб: белил, красил, грузил, разгружал, таскал, вытаскивал, перетаскивал и, при этом, тешил себя мыслью, что Максим Горький тоже бурлачил в юности, заодно и жизнь изучал. А потом ему повезло встретить «своего» издателя и он сразу разбогател.

И вдруг… Левин встретил однокашника, тогда еще просто редактора журнала, но сразу и не понял, что этим ему подан божий знак. И за кружкой пива редактор предложил Лёше небольшую халтурку – написать статью на разворот к юбилею одного крупного ученого.

В университете Лёша не очень любил журналистику, полагая её совсем уж простецким литературным ремеслом с темами по заказу. Никакой творческой свободы, все в заданных объемах, точно к сроку, да еще и с массой ограничений: без стилистических вывертов, сюжетных ходов и обсценной лексики. Как чукча - что видишь, то поёшь. В общем не его.

Однако от полного безденежья и безнадеги он согласился и через две недели принес редактору заказанную статью. Тот был в полном восторге, а статью напечатали в ближайшем номере журнала без каких-либо правок. Юбиляр тоже был в восторге и даже засвидетельствовал Леше свое почтение, передав ему через журнал довольно пухлый конверт – знак внимания, премию, назовите как хотите. Статья получила множество хвалебных отзывов как от профессиональных критиков, так и от простых читателей, а Леша – весомый гонорар, позволивший ему не ходить на его трудные заработки аж два месяца.

И что уж там было такого в этой статье Левина, что она понравилась буквально всем? Да не статья это была, и не очерк, и не репортаж, а интересный высокохудожественный рассказ с абсолютно живым героем, который вопреки всему родился, учился, боролся, любил, страдал, бился и наконец пробился. Такое в журналистике редкость, и здесь к делу счастливо пришелся навык Левина как отличного беллетриста, который на унылый голый скелет ничем не примечательной биографии и в общем-то банальных жизненных обстоятельств героя легко и свободно мог нарастить немалые мышцы и все раскрасить такими яркими и теплыми красками, что ах-х!

И понеслось!

Хорошо оплачиваемые заказы на юбилейные статьи посыпались один за другим. И со временем Леша даже полюбил журналистику. А что, всегда с людьми, поездки, интервью, встречи, уважение, признание, награды… деньги, наконец! И это уже были не одинокие ночные бдения с переполненной пепельницей и бесконечным кофе, а настоящая жизнь известного журналиста с ее немыслимым темпом и яркими картинками за окном поезда. Он даже женился, и его жена родила сына. А нетленки… Он их на пенсии напишет, когда время будет. Но это неточно!

И всё это Левин называл ростом писательского мастерства, но сам всё чаще чувствовал, что пишет не истории, а упаковки для чужих репутаций. И чем красивее эти упаковки, тем меньше оставалось в них места для правды.

***

Сухие строчки Википедии гласили, что московское НПО «Алгоритм» давно и успешно занималось созданием и внедрением чуть ли не на всех континентах Земли сложных наукоемких систем управления производственными процессами в различных областях и имело большой научный потенциал – интегрировало в своих лабораториях сотни высококлассных разработчиков-алгоритмистов, кандидатов и докторов физико-математических наук. А его бессменный руководитель профессор В.А. Балякин – лауреат, кавалер и пр.

Опытный журналист Левин знал, что в статьи к юбилеям, чтобы их действительно читали, а не походя пролистывали, обязательно нужно вставлять абзацы о родителях героя, его семье, юности, друзьях, интересных и смешных случаях. Читатель обожает истории успеха, круто замешанные на преодолении героем всевозможных трудностей и по возможности включающие в себя любовные сюжеты.

И лучше, чтобы эти сюжеты были на грани приличия, с максимально возможной степенью откровенности, конечно, согласованной с самим героем. Но сам герой о себе по определению не мог рассказать объективно, и чтобы за него не додумывать, полезно было поискать взгляд со стороны, в частности, проинтервьюировать близких друзей.

Поэтому Левин, не откладывая, и запланировал несколько встреч с вычисленными им друзьями профессора Балякина со времен юности. И сегодня с утра он работал в своем родном городе – Новосибирске, где у него уже не осталось никого из родных, но кое-какие знакомые еще были на связи.

Через них он вычислил номер телефона, затем позвонил и напросился на интервью к Анатолию Павловичу Гусеву, крупному бизнесмену в наукоемкой сфере (системы распознавания всего и вся), близкому другу и бизнес-партнеру юбиляра.

Встреча происходила так…

***

Утром в аэропорту Толмачево Левина встретил водитель Гусева, и уже через час он сидел в ажурной кованой беседке, увитой цветущей жимолостью-каприфолью, на даче Гусева в престижной в Новосибирске «Ельцовке».

Ах-х, этот запах каприфоли… сладковато-пряный и одновременно свежий, как дорогие французские духи. Кроме того, сосновый бор и река Обь за столетия создали в этом месте какой-то необычный микроклимат. Такой, что возникало полное ощущение роскошного аромакурорта.

Погоды стояли чудесные, а на круглом стеклянном столе расставлен чайный сервиз производства Ленинградского фарфорового завода с золотой каймой, тарелка с теплыми домашними булками, сливочное масло и всякие вкусности в вазочках: конфеты, мед, цукаты и обязательные здесь ядра кедровых орехов. Сибирь же!

Сначала было короткое взаимное приветствие с уже полностью седым, но высоким, стройным и хорошо сохранившимся мужчиной с прямым взглядом серых глаз, улыбчивым, в легком летнем костюме изо льна. Наконец диктофон на айфоне был включен и интервью началось.

Журналист спрашивал, а хозяин дивной беседки отвечал.

– Анатолий Павлович, профессор Балякин – талантливый российский ученый-алгоритмист с мировым именем, много лет генеральный директор крупнейшего профильного НПО страны. Скажите, а как этот его талант проявлялся у него в юности? Ведь не мог же он не проявляться в обычной жизни! Может быть, что-то припомните на эту тему?

Гусев не спеша отхлебнул чай из фарфоровой чашки, прикрыл глаза, как бы возвращаясь в то время, усмехнулся и изрек:

– Н-да, были тогда у Вити алгоритмы, были! На моих глазах он их генерировал, опробовал и внедрял. А мы все ему в этом помогали, если можно так сказать, а, быстрее, пользовались. Молодые же еще были, веселые, энергичные.

То время, оно же для нас, аспирантов, пожалуй, было лучшим и самым счастливым временем в жизни. Ну как же, юность, Москва, новые друзья, перспективы, любовь! Как такое забыть? А никак. Поэтому не буду о грустном, считайте мой рассказ неполным и откровенно субъективным, только о добром.

***

Такого необычного и талантливого человека, как Витя Балякин из Казани, аспирант Толя Гусев из Новосибирска не встречал никогда. А когда встретил его в Москве, то платонически влюбился в него навсегда. Они некоторое время вместе жили в общежитии, в комнате на двоих рядом с конечной станцией зеленой ветки московского метро.

Новое двадцатиэтажное здание с огромными зеркальными окнами во всю стену и скоростными финскими лифтами KONE было построено к Олимпиаде-80 и использовалось как отель для иностранных журналистов. Поэтому тамошние комнаты изначально были отлично обустроены удобными деревянными кроватями и мягкой мебелью: компактными диванами и креслами, – с собственными душами, отдельными удобствами и небольшими кухнями. Красота и комфорт по-европейски!

Но после Олимпиады это здание как есть отошло под студенческое общежитие. И теперь на всех его этажах обитали иногородние студенты нескольких московских вузов, медленно, но верно превращавшие эти еще совсем недавно чудесные комнаты в свои ободранные обиталища с выломанными дверями, часто вместе с коробкой. Зеркальные окна помутнели, а на стенах висели календари за 1980 год и плакаты с олимпийским Мишкой, камуфлируя собой какие-то пятна и дыры.

Вот на седьмом этаже этого общежития обособлено и жили целевые аспиранты…

Целевые иногородние аспиранты в Москве – это не тупые и дикие студенты черт знает откуда, и они дорогущую мебель в комнатах не ломали, а аккуратно использовали ее по назначению. Аспирантов было мало, и они все уже знали, чего хотели от жизни. А жизнь уже подхватила их под ручки и повела своим особым путем в те самые «голубые дали»: кандидатская диссертация – доцент – докторская диссертация – профессор, и так далее, вплоть до академика.

И главное, что тогда было редкостью, в их коллективе не было доносчиков. Все были - шалопаи, пьяницы, неряхи, бабники, лентяи, а вот доносчиков не было. Не тот контингент, не конкурирующий друг с другом по большому счёту.

У Толи Гусева к тому времени за плечами уже была физико-математическая школа при Новосибирском госуниверситете, сам университет, оконченный с красным дипломом, срочная служба, работа ассистентом и страстное желание когда-нибудь стать заведующим своей родной университетской кафедры «Теория вероятностей и математическая статистика». И это позволило бы ему иметь оклад пятьсот рублей в месяц, частые командировки в Москву, трехкомнатную квартиру от государства в хорошем доме Академгородка, дачу на Обском море и автомобиль «Волга» ГАЗ-24 без очереди.

И он стал бы и все это заимел бы точно, если бы Советский Союз устоял! Это к тому, что если Толя Гусев, тогда уже относительно взрослый, самостоятельный и битый-перебитый молодой человек, искренне влюбился в другого молодого человека, то этот молодой человек того стоил. Обычно у Толи уже получалось ровно наоборот.

Витя Балякин был симпатичным парнем невысокого роста, спортивного телосложения, мускулистым, и разговаривал он с сильным провинциальным акцентом. Он смотрел на мир несколько удивленным взглядом слегка выпуклых и влажных коровьих глаз с длинными ресницами, которые так нравились девушкам, и имел золотые руки, мог починить все что угодно. Потертый кожаный портфель с различными инструментами и рабочей блузой всегда был при нем. Вот нравилось ему все чинить. Очень он был мягкий в общении, внимательный, веселый. А так парень как парень, разве что простовато одевался для аспиранта. Пока неженатый.

Однако Витя уже тогда был серьезным молодым ученым в области алгоритмизации производственных процессов электронного машиностроения, автором нескольких заметных научных публикаций, и на три года приехал в целевую аспирантуру престижного московского вуза

«за степенью». А дома в Казани его ждала блестящая научно-преподавательская карьера в местном инженерном вузе, откуда, собственно, он и получил направление в Москву.

Н-да! Со стороны Витя Балякин казался несколько странноватым парнем.

– В сутках двадцать четыре часа. И зачем мне такие сутки?! – улыбаясь спрашивал Витя Толю. – Мне нужно, чтобы было тридцать. Десять часов я сплю, десять работаю и десять на все остальное.

И он жил по своим тридцатичасовым суткам. И ладно, когда у него при этом приходился день на день или ночь на ночь. Но бывало-то и наоборот. Тогда Толя с утра забирал у Вити его подушку и, взгромоздив ее себе на голову, накрывался одеялом с головой и досыпал. Или днем ходил на цыпочках, в свою очередь, храня сон друга.

Надо отметить, что способность практически нищих советских аспирантов со стипендией девяносто пять рублей в месяц решать сложнейшие задачи достойного бытия в Москве при минимальных затратах просто поражала. Но Витя Балякин по результативности был вне досягаемости. Он генерировал различные ситуационные алгоритмы. И действуя строго по ним, не только выживал в Москве, но и весьма прилично зарабатывал. Не всегда деньги, но тем не менее.

– Идея – ничто, – говорил он. – Алгоритм, ее реализующий, – все!

Кстати, именно эта фраза теперь красовалась на обложке его фундаментальной монографии «Алгоритмизация производственных процессов», переведенной на все основные европейские языки.

***

– А что это были за алгоритмы, Анатолий Павлович? Расскажите поподробнее, – попросил Левин, с интересом внимая собеседнику.

Гусев подлил горячий чай в обе чашки, себе и гостю, слегка улыбнулся, вспоминая, и начал рассказывать:

– Ну, например, Витя разработал, опробовал и сообщил друзьям вот такой о-очень полезный алгоритм.

Тогда в обычные, не занятые съездами дни, в Кремлевском дворце съездов (КДС) давали оперы и балеты для всех желающих.

Покупаешь в театральной кассе самый дешевый билет в КДС за девяносто копеек, а такие билеты в специальных будочках, что стояли в холлах станций метро, были всегда! На четвёртый ярус амфитеатра, оттуда и сцены-то не видно. А тебе и не надо!

И три-четыре, а то и пять часов, пока шла эта опера или балет, за свои девяносто несчастных копеек, ты наслаждался - абсолютно в своем праве, можно с друзьями, а можно и с девушкой - в роскошном и пустом фуршетном зале КДС с мраморными полами, что на пятом этаже, под негромкую музыку внимая потрясающим кремлевским видам за окнами.

А наслаждался ты, например, импортным пивом в бутылочках ноль тридцать три литра с колечком на пробке по сорок копеек за бутылочку. Ни в одном магазине Советского Союза такое пиво свободно не продавалось, а в буфете фуршетного зала КДС на пятом этаже - пожалуйста!

Плюс сырокопченые и сыровяленые колбасные нарезки, красная икра в хрустальных розетках, жульены с белыми грибами в кокотницах, рыба красная, белая и все такое. По высшему сорту, Кремль же. Кстати, недорого! Можно сказать, за копейки.

Вот только, к сожалению, стеклотару в этом буфете назад не брали и закуску с собой не заворачивали. Оставляй бутылки на столе и топай! Но это был, пожалуй, единственный минус данного алгоритма.

И как вы думаете, куда большая часть нашего аспирантского этажа теперь ходила по выходным, а то и по будням? Конечно, на балет в КДС! Ну или в оперу, неважно! Все зависело от тамошнего репертуара на эти дни.

Тогда генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев уже произнес свое знаменитое: «Экономика должна быть экономной!», и Витины алгоритмы в первую очередь были направлены на экономию личных средств аспирантов.

Так один такой поход в КДС с фактическим денежным расходом в районе пяти рублей на брата, включая стоимость билета, в пересчете на меню бара гостиницы «Интурист», если ты туда вообще попадал, тянул на сто рублей, как минимум. И это еще без учета взятки швейцару.

Впечатлил алгоритм?!

– Да, конечно! – Левин восторженно закатил глаза, представляя. – Ну почему мы, тогда студенты-филологи, этого алгоритма не знали и в общаге МГУ пять лет закусывали пересушенной воблой пиво «Жигулевское» из трехлитровой банки, а то и из круглого стеклянного плафона потолочного светильника?!

***

Гусев захохотал искренне и весело:

– Тайные знания аспирантов! А вот еще один Витин алгоритм!..

Рядом с общежитием на улице Фестивальной было почтовое отделение, а в нем междугородние таксофоны за «пятнашки» (монеты номиналом пятнадцать копеек). Звонить домой на далекую родину надо было всем, но дорого.

Задачу легко решил Витя!

Опускаешь монету в прорезь аппарата, и пока она летит, соединяя линию, слегка бьешь кулаком по заранее исследованному и определенному Витей месту на корпусе таксофона, помеченному небольшим нацарапанным крестиком. И все! Что-то внутри таксофона звякало, и говори не хочу. Хоть с Новосибирском, хоть с Казанью. Без ограничения по времени.

Когда ему было положено, несчастный таксофон издавал какой-то жалобный давящийся звук, но новую «пятнашку» при этом не требовал и продолжал работать, не отключая линию. Понятно, что к этим таксофонам теперь всегда стояла очередь из счастливых иногородних аспирантов.

Озверелое начальство почты несколько раз меняло эти таксофоны, но от Вити не ушел ни один. День-два, и крестик упрямо появлялся на новом аппарате. Однако это практически открытое противостояние человека и машин продолжалось не очень долго и закончилось безоговорочной капитуляцией таксофонов. И несовершенные аппараты из этой почты вообще исчезли.

Но ведь в Москве были и другие почты, и в них тоже были таксофоны за «пятнашки». А нужные адресочки Витя для друзей никогда не жалел.

***

Анатолий Павлович с удовольствием отхлебнул душистый чай, потянул с тарелки булку с маком, хорошо намазал ее маслом, немного откусил и продолжил свои воспоминания:

– Подобное Витя проделывал и на стажировке в Лондоне, когда заставлял роскошные английские уличные таксофоны принимать у него без ограничений использованные телефонные карточки, которые во множестве имелись в ближайших мусорных урнах, а то и валялись прямо на асфальте.

Алгоритм у Вити при этом был простейшим, но эффективным и безотказным.

Все как в Советской армии при чистке солдатских блях: зеленая паста ГОИ, кусок войлока – и покоцанные рифленой механической протяжкой контрольные дорожки английских

одноразовых телефонных карт в минуту становились глаже, чем новые и, соответственно, были пригодны к повторному использованию. А слышимость звонка из Лондона в Казань тогда была в разы лучше, чем из Москвы. Говорили, что именно после Вити уличные таксофоны в Лондоне перевели на цифровые коды, шучу, конечно!

Гусев задорно, по-мальчишески некоторое время посмеялся над собственной шуткой, вытер глаза изящным платочком с вышитой в уголке монограммой «АГ» и продолжил рассказ:

– Вообще в тогда еще преимущественно «механическом» Лондоне Вите понравилось. Он там вскрыл все и своих денег вообще не тратил – питался много и разнообразно, поедал дорогущих омаров в спецупаковке, пил прекрасные баночные напитки и пиво из многочисленных торговых автоматов, ездил на метро и на всех других видах общественного транспорта (кроме такси, разумеется), и часами беседовал с родной Казанью из уличных таксофонов.

И привез с собой в Москву - командировочных-то наэкономил - фирменный персональный компьютер IBM PC XT 286 в полном обвесе, который тут же поменял на новенький красный автомобиль «Лада» ВАЗ-2103. Все по-честному. Действительно, тогда были именно такие расклады на черном рынке Москвы!

Еще с Витей из Лондона прилетели две огромные коробки из-под телевизоров, доверху наполненные модными очками, наушниками, плейерами, тапками, джинсами, футболками, бейсболками и другими дефицитными тогда в СССР вещами, каждая стоимостью до десяти фунтов стерлингов. Их Вите в лондонскую общагу, где он жил, ежедневно присылали английские компании, торгующие по каталогам. Еще и благодарили, что он это все брал абсолютно бесплатно именно у них! Почему? А по алгоритму!

И суть этого алгоритма была такова…

Анатолий Павлович выдержал театральную паузу и поведал эту суть:

– По прилету в Лондон Витя напечатал на принтере пару сотен своих визиток и разослал их по торговым компаниям, которых там было сотни, если не тысячи.

Через три дня он получил свой первый каталог и письмо. Мол, приветствуем нового покупателя, и вам за это подарок – лотерейный билет с четырьмя серебристыми кружками. Потрите кружки торцом монеты, и там проявятся цифры. Сложите все четыре, и вот вам скидка на первую покупку. А еще со страницы такой-то по такую нашего каталога можно выбрать себе подарок. Недорогой. Стоимостью до десяти фунтов стерлингов.

Ясен пень, Витя подарок выбрал, а купил (указал в заявке) вещь на сумму, чуть меньшую выигранной в лотерею скидки. Приложил сам билет и отправил заявку в компанию. И через три дня пришла бандероль, и в ней все было на месте: подарок и покупка. И даже сдача мелочью. С благодарностью от компании.

Вот времена были в старой доброй Англии, фантастика! И больше Витя с этой компанией не работал. Ему было некогда! Вон сколько еще таких же ему нужно было обслужить. Так и набились те две коробки.

Какие-то вещи из этих коробок Витя оставил себе, чем-то одарил друзей, а остальное продал оптом начинающему московскому фарцовщику Олегу Бойченко, счастью которого не было предела. По-моему, даже в рассрочку продал, уже и не помню. Помню только, что итоговая сумма сделки была сопоставима со стоимостью однокомнатной квартиры в Москве. Не шучу!

***

Гусев улыбнулся, выдержал еще одну паузу, сделал торжественное выражение лица и выдал:

– И апофеоз, кульминация или, как сейчас говорят, вишенка на торте!

По алгоритму Витя влюбился и женился. Точнее, его! Вернее, мы все! Ох-х запутался! Ладно, расскажу обо всем по порядку, ведь это не только и не столько Вити касалось.

Тогда остаться в Москве иногороднему аспиранту было можно, только женившись на москвичке, которая его еще и пропишет к себе. А где аспиранту из общежития взять такую москвичку? И чтобы с квартирой, и чтобы училась в престижном вузе, и чтобы красавица была, и чтобы тебя, дурака, любила, и чтобы ее родители были дипломаты и с деньгами? Москвички и их родители в абсолютном большинстве тогда были пугливы и нищих провинциалов, даже умных и перспективных, к себе близко не подпускали.

Но Витя взял именно таких! Для всех друзей! Без счета! Бери любую! Но не для себя. Он оставаться в Москве и, соответственно, жениться на москвичке не планировал, а в Казани его ждала невеста.

Но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает!

Будучи пытливым исследователем, Витя блестяще решил и эту задачу. И очень даже просто! Он собрал в общежитии деньги (копейки!) по списку желающих остаться в Москве и на них дал одно на всех объявление в газете «Химки», тогда единственной в СССР, печатающей брачные объявления: «Иногородний аспирант познакомится для брака с москвичкой-студенткой, обязательно с жильем. Писать на 7-й этаж общежития по адресу…»

Все честно и конкретно!

Секретарем проекта был назначен долговязый белобрысый аспирант Гоша Голов из Рыбинска, староста этажа. У Гоши уже заканчивался срок, он защитился, но ни в какую не хотел уезжать из Москвы. И теперь каждый вечер Гоша разбирал пришедшие на адрес письма и вел подробную таблицу: какая у претендентки квартира, сколько ей лет, где она учится, кто ее родители и как ее зовут. Именно в такой последовательности. Графа «Имя» в его таблице была последней, но не все ли равно?

Н-да, потрясающий, феноменальный по актуальности и жизненной силе это был документ!

В первое время после выхода газеты с объявлением письма приносили мешками! И это безумие продолжалось с месяц. Много, конечно, было откровенного шлака, но в итоге как-то сама собой сложилась замечательная компания молодых людей, такой «Клуб женихов и невест». Человек по десять с каждой стороны, которые стали активно посещать театры, дни рождения, ходить на прогулки по городу, устраивать пикники и прочее.

И никакой гадости и водки на этих встречах не было, хотя все знали и понимали, зачем они встречались. Парни декламировали свои стихи, все вместе пели бардовские песни, и у большинства все сложилось, и до сих пор эти пары счастливы вместе. У них родились прекрасные дети, а мужья со временем стали теми, кем и планировалось, – большими учеными и начальниками.

Мы тогда всерьёз называли это «проектом». Всё было по плану, как лабораторная работа. Только в лаборатории не бывает слёз, смеха и внезапных признаний. А у нас было. И именно поэтому всё получилось! Правильно же говорят, что самый крепкий брак – это брак по расчету. Если расчет верен!

***

Гусев поучительно поднял указательный палец к потолку беседки. Потом, видимо вспомнив, что перед ним его ровесник, а не сопливый мальчишка, опустил палец и продолжил:

- В общем, Витя всё всегда раскладывал по полочкам. Только вот с Татьяной… тут кажется полочки кончились. Тут он просто попался. И очень даже просто...

Были мы на дне рождения у самой, пожалуй, перспективной невесты в клубе. По данным таблицы Гоши Голова: раздельная трешка рядом с метро «Курская», двадцать один год, четвертый курс филфака МГУ, родители – внешторговцы, постоянно жили в Швейцарии, звали Татьяна.

– Наша, филфаковская? – простонал Левин. – А я-то, лопух, где тогда был?!

Гусев ухмыльнулся и продолжил:

– И я хорошо помню ошалелые глаза этой высоченной московской красавицы в роскошном вечернем платье, когда в комнату, где веселились гости, вошла она, ведя за руку Витю с его неизменным портфелем, и тихо спросила:

- А это кто?

И был Витя грязным, потным, местами мокрым, и мышцы его бугрились через прилипшую к телу рабочую блузу, которая всегда лежала в его потертом портфеле. Мужская такая была картинка, эротическая, без сомнения.

Оказалось, что Татьяна случайно наткнулась на Витю в собственной ванной комнате, когда он, пока все веселились, уже завершил починку душа, починил все капающие краны на кухне, пробил забившиеся сливы, отремонтировал бачок текущего унитаза и повесил на место оторвавшийся угол ковра в коридоре. И еще оживил импортный радиоприемник в спальне. Ну никогда Витя с нами не веселился. Ходил, да, но не веселился, а занимался вот такими делами, женитьба на москвичке ему была неинтересна.

Через два месяца они поженились!

Свадьбу гуляли в фешенебельном ресторане «Славянский базар», жаль, он сгорел в 1993 году. И Витя потом спокойно компенсировал обалдевшим родителям Татьяны, которые, естественно, прилетели на свадьбу любимой дочери и все организовали, все свадебные расходы. А их вышло на круг что-то около трех тысяч рублей, огромная тогда сумма. Гости были сплошь из МИДа, ну и мы, аспиранты, в уголочке сидели, шучу.

Ещё Витя купил в подарок невесте великолепное золотое кольцо с крупным якутским бриллиантом. Тогда такие кольца по заоблачным ценам запросто продавались в центральных ювелирных магазинах Москвы. Иди и покупай, были бы деньги. Вот вам и советский аспирант!

В этом месте Гусев вдруг посерьезнел:

– Но это, наверное, в статью не нужно, слишком уж интимная тема про Татьяну, обидится еще, не дай бог! Вчера только с ней разговаривал по телефону, сам-то Витя сейчас где-то не в Москве, не дозвониться до него.

Ну что еще о нем рассказать?

Двое детей у них с Татьяной. Вовка уже кандидатскую защитил, у отца в «Алгоритме» трудится. Так пока и не женился, шалопай этакий. Леночка – врач, детишек лечит. Своих у нее уже двое, Витя внуков обожает. Но это вы видимо и без меня знаете, официальная информация.

Гусев замолчал, а Левин вдруг подумал:

«Фантастическая у меня профессия! Берёшь фактуру обычного человека, раскрашиваешь её деталями — и сам уже не видишь разницы между раскраской и правдой. А тут — человек живой. Грязный, потный, с отвёрткой. И именно он — настоящий, ничего не надо раскрашивать, только испортишь. И как это всё в статью уложить?».

***

После интервью радушный хозяин накормил гостя обедом по-сибирски.

На первое им предложили супы на выбор: рассольник с курицей, щи николаевские и украинский борщ. К супам была сметана, пирожки и дябли. Хорошо образованный Левин знал, что дябли – это мелкие гренки, подсохший белый хлеб кубиками, политый смесью топленого масла, тертого сыра и яйца, после духовки. Сверху корочка, а внутри мягкий хлеб. М-м-м…

– Мне, пожалуйста, тарелочку борщеца, – заказал он.

На второе было мясо: баранина жареная с гречневой кашей, телячьи и пожарские котлеты из рубленой курятины, сочные, с хрустящей корочкой, панированные в сухарях из белого хлеба.

– И парочку пожарских котлеток, без гарнира, – не смог отказаться от великолепного мясного блюда журналист.

Третьим блюдом шла рыба: судак в белом вине, караси в сметане и стерлядь по-польски.

– По-польски, это которая с яичком? – проявил осведомленность в дворянских рецептах XIX века Алексей Степанович. – Да, вот ее!

Четвертой переменой блюд послужила жареная индейка. К ней соленья и салаты.

– Что же и не попробовать птичку, раз все равно без выбора, – пошутил Левин.

На сладкое: бисквит со сливками, пирожное-желе ромовое, мороженое облепиховое и кашка-запеканка с вареньем.

– Кашка-малашка манная! А варенье земляничное? – спросил журналист и облизнулся. – Да, буду, конечно, это же вкус детства!

Приятного аппетита!

Были и крепкие напитки: коньяк Шустова, рябиновая настойка «Нежинская», настойка «Уральская брусника», горькая водка «Дикая черешня» и другие произведения сибирско-уральских мастеров алкоголического цеха.

Выпили конечно с хлебосольным хозяином по паре рюмок коньяка, как без этого. И другие прекрасные алкогольные напитки Алексей Степанович тоже испробовал в процессе обеда А чтобы эти напитки не обижать и от себя не отваживать. Закон такой, верная примета - выпил их раз, выпьешь и два, и три!

Вино было сухое столовое, портвейн, мускат, вяленое, шампанское.

Но это все так и осталось нетронутым. Кто же из российских мужиков после коньяка вино пьет… А женщин за столом и не было. Вот безалкогольный лимонад «Тархун» со льдом был, замечательный прохладительный напиток в жару.

А на чай со всякими вкусностями, ни человеческих, ни журналистских сил у Левина уже не хватило… сдулся!

Он смотрел на пустую тарелку и понимал, что сытость ощущается уже как тяжесть. Не от еды, а от того, сколько всего он сегодня услышал. И как мало из этого он сможет напечатать. И как много из этого ему хотелось бы просто запомнить.

***

После обеда Гусев внимательными серыми глазами посмотрел, сначала на свои дорогие наручные часы, а потом уже слегка озабочено и на осоловевшего и полусонного журналиста. В беседке повисла короткая тишина, будто хозяин давал гостю ещё минуту прийти в себя.

– Ну что, дорогой Алексей Степанович, пора закругляться! Ваш рейс на Москву ждать не будет. Был рад знакомству! Автомобиль в вашем полном распоряжении, а в багажнике стоит сумка с вкусными гостинцами. Вашим точно понравится! Сибирь же!

А то возвращайтесь в родной город. Вы же наш, новосибирский, знаю. Работу найдем, с удовольствием бы взял вас руководителем своей пресс-службы, работать с журналами и другой периодикой – статьи, репортажи. Молодежь не тянет, к сожалению, одной журналистикой красоты науки не показать, слишком сухо и примитивно выходит. А вы, знаю, мастер. По деньгам договоримся, подумайте.

«Может и впрямь в Новосибирск переехать? – подумал Левин, уже сидя в машине. – Хорошо здесь. И мама всегда говорила - где родился, там и пригодился».

Он закрыл ноутбук, так ничего и не напечатав. Вот незадача, думай теперь...

Писательница

(Невероятная новогодняя история)

В ноябре стало как-то совсем неуютно. Мало того, что погода глобально испортилась... Ну где это видано, чтобы в Новосибирске в ноябре шёл дождь и стояли лужи, было мерзко, сыро и темно? Так ещё и совсем закончились деньги. А «милый друг» Вася Шестапёров больше не отвечал на её отчаянные и призывные звонки.

«Ясно, к жене Васечка вернулся, - грустно подумала Даша. - Он давно уже эту мысль вынашивал, я же чувствовала».

И пришлось ей идти на интернет-сайты рекрутеров искать работу - редактор, корректор, сценарист и т.д. Не в кабалу же сбербанковскую залезать.

И всё это после общения с известным московским издательством, куда она послала рукопись своего нового «чудесного» романа, над которым корпела ночами, заплетая сюжетные кружева, тщательно шлифуя описания и вырисовывая тушью стильные чёрно-белые иллюстрации. Да, она еще и очень неплохо рисовала. Но «чудесным» ее роман назвала не она, а ее однокашница, редакторша в этом издательстве.

- Какое наслаждение словом, Дашенька, настоящая русская литература, почти Бунин, конечно берём! - сообщила она обрадованной Даше по телефону.

Но потом трубку взял продюсер издательства и сказал:

- А где драконы, Дарья Владимировна? А гарем? А двенадцать продолжений за год написать сможете? Тогда начальный тираж две тысячи, без аванса, двадцать рублей с каждого проданного по факту экземпляра и пять процентов роялти. Вам, как ветерану Куликовской битвы, семь! Пойдёт?!

- Нет, не пойдёт!

Как настоящая русская писательница, Даша равно любила и умела создавать лирические, детективные, исторические и детские произведения… как прозу, так и поэзию… но писать про гаремы и секс с драконами, фу, увольте.

И на этом иллюзии Даши закончились. Жить только литературным трудом в России давно уже стало не-воз-мож-но! Не Советский Союз ведь, где корочки с золотым тиснением «Союз писателей СССР» открывали любые двери и давали их предъявителям всё – деньги, ненормируемый рабочий день, квартиры в «писательских» домах, автомобили без очереди, отдых в Болгарии и много ещё чего.

- Ну а что я могу сделать?! – чуть не плача в трубку жаловалась ей редакторша позже. - Теперь они, продюсеры, в издательствах главные. Рулят всем творческим процессом, писательские баллы и свои деньги высчитывают, а мы, редакторы, теперь так, для мебели. Того и гляди поувольняют всех за ненадобностью.

«Чудес не бывает!», - повторяла и повторяла про себя Даша, листая страницы сайтов с разделами «Требуются». И вдруг… Она обратила внимание на одно, показавшееся ей несколько странным объявление:

«Новосибирское отделение международной транснациональной корпорации приглашает на работу конвергенторов национальных языковых сегментов. Требования к соискателям: высшее образование по специальности «литработник» со знанием любого национального языка народов России. Пол и возраст - любой. Заработная плата - высокая. Подробное резюме с приложением копий творческих работ отправлять на адрес: JobNSK@babbonatale.com»

Телефона или других вариантов связи в объявлении не было, только электронная почта.

«Хм-м! Я зачем-то понадобилась McDonald's, – грустно констатировала Даша. - Хотя вряд ли… зачем им в международной транснациональной корпорации наши сибирские писа-

тели? Ишь, «конвергентор языкового сегмента», фраза-то какая! Знать бы ещё, что она означает... звучит как заклинание».

Она налила себе чай в любимую чашку с котиком.

«Да чёрт с ним, с писательством, уже вряд ли пригодится, — подумала Даша. — СТОП! А ведь вроде как я соответствую их требованиям».

А что, за её плечами московский литинститут имени Горького, в который она поступила сразу после школы, три изданных «в бумаге», а потом ещё и дважды переизданных книги лирической прозы, сборник стихов, рассказы и повестушки в журналах-«толстяках», крымско-татарский язык в совершенстве.

Этот язык у неё ещё со времён работы в ташкентском литературном журнале на крымско-татарском языке «Йылдыз». Сидеть дома и ждать мужа-офицера со службы она не захотела, подвернулась работа, вот и выучила язык. Пять лет она отдала этому журналу, как редактор «детских» рубрик, занимаясь своим любимым делом. Читала детские письма, отвечала на них, писала смешные стихи и рассказы, весело было. Аяз Деде - это Дед Мороз по крымско-татарски. Тогда она была молода и счастлива!

В её ташкентском кабинете вся стена была увешана детскими рисунками. И это было в нём самое ценное - настоящий генератор жизненной силы и творческого вдохновения.

А потом СССР сломался. Мужа-майора вместе с ней, Дашей, и его ракетной частью вывели из жаркого Узбекистана в суровое Забайкалье. Он начал пить и она, не выдержав, уехала к маме в Новосибирск. Затем - закономерный развод.

Да чем она рисковала, посылая своё шикарное писательское резюме?! Да ничем! И Даша нажала на клавиатуре кнопку «Отправить». И тут же забыла об этом, продолжая выискивать другие, более ей понятные вакансии.

Но буквально через минуту почтовая программа звякнула и ей пришёл ответ:

«Ваше резюме получено, о результатах его рассмотрения мы вам сообщим в ближайшее время. С уважением, Новосибирское отделение международной транснациональной корпорации «Babbo Natale».

«Баббо Натале?! Но это же по-итальянски Дед Мороз?!» - удивилась Даша.

Она помнила, у неё была такая детская викторина в «Йылдызе» - Санта Клаус в США, Кыш Бабай у татар, Дед Мороз в России, Зюзя у белорусов, Баббо Натале в Италии, Отец Рождества в Англии, Пер-Ноэль во Франции, Папа Ноэль в Испании, Вайнахтсман в Германии, Дядо Коледа в Болгарии, Дед Микулаш в Чехии, Мош Джерилэ в Румынии, Телапо в Венгрии, Джед Мраз в Боснии и Герцеговине.

И точно, из любопытства набранный ей на клавиатуре сайт www.babbonatale.com был на итальянском языке и украшен изображениями итальянского зимнего волшебника во всех видах – на санках, среди детей, с оленями и т.д.

«Видимо, какой-то предновогодний розыгрыш» - вяло подумала Даша.

Но тут почта снова звякнула. Ей пришло письмо следующего содержания:

«Уважаемая госпожа Дарья Владимировна Титова! Ваше резюме рассмотрено. Предлагаем вам прибыть в офис Новосибирского отделения корпорации для обсуждения конкретных условий вашей работы на позиции конвергентора крымско-татарского языкового сегмента. Завтра, в 14-00, по адресу: Башня «Сити» (рядом с ЖК «Chicago» на улице Кирова, между улицами Ленинградская и Толстого), пятьдесят пятый этаж, офис 55/1. Руководитель сектора конвергенторов языковых сегментов Галина Микулашевна Сынягурка, вн. тел.: 4-97».

«Чудеса? Да какие там чудеса, — подумала Даша. — Мало я что ли собеседований проходила? И всё ведь впустую, никому тётки чуть за сорок не нужны. Сколько раз уже обжигалась!».

***

На следующий день бесшумный лифт мгновенно вознёс Дашу на пятьдесят пятый этаж новенького небоскрёба в самом центре Новосибирска. Стеклянные стены огромного здания словно растворялись в зимнем воздухе, открывая вид на город, укутанный снежной дымкой. За окнами пятьдесят пятого этажа жизнь казалась игрушечной: машины — жуками, а люди — муравьями.

Но первое, что бросилось ей в глаза в большом и современном офисе с множеством сотрудников - даже не потрясающие виды города из панорамных окон «в пол» на высоте сто восемьдесят метров, а длиннющая стена, вся увешанная детскими рисунками с надписями на разных языках.

Цветные кляксы на стене складывались в причудливый калейдоскоп: тут и там проглядывали силуэты оленей, звёзд и волшебных замков. И каждый рисунок хранил частичку детской души, застывшей в красках.

- Ах-х! - только и смогла выдохнуть Даша.

И сразу нахлынуло! В её ташкентском кабинете всё было так же. Конечно в гораздо меньшем масштабе, но от этого не менее близкое и любимое.

«Чудеса?!» - подумала Даша.

- Да какие там чудеса, что вы, сплошной бизнес! – неожиданно ответила ей встретившая её госпожа Сынягурка - моложавая красавица-блондинка средних лет со старомодной длинной косой и ногами от шеи.

Она пригласила Дашу присесть в гостевое кресло рядом с её рабочим столом и начала вводный инструктаж:

- Ваша задача на этой позиции - внимательно вычитывать приходящие Деду Морозу письма от детей на крымско-татарском языке, в вашем случае - Аяз Деде, и готовить креативные ответы на них - приветствуются стихи с картинками. Кроме того, выдавать своё заключение относительно состава подарка и заданий в его уплату адресатом – стихи наизусть, песни, танцы и т.д.

Галина Микулашевна поправила свою и так идеальную косу и продолжила:

- Далее, заполненная и подписанная вами форма уйдёт нашим комплектаторам и в итоге специально обученный в Новосибирском государственном театральном институте «Аяз Деде», трезвый и пунктуальный, примет у адресата плату и вручит ему, или ей, красиво упакованный подарок перед самым Новым годом. Всё!

- А в чём же бизнес? – уточнила Даша.

- А бизнес, уважаемая Дарья Владимировна, в том, что детские подарки производят множество конкретных производителей по всему миру, - пояснила блондинка. - И они, предоставляя нам эти подарки бесплатно и без ограничений, ещё и очень неплохо нам платят по факту их широкого распространения в целевой детской аудитории с условием сохранения на изделиях всех фирменных этикеток и торговых знаков производителей.

И она продолжила объяснять Даше внутреннюю кухню корпорации:

- В общем, чем больше вы подарите крымско-татарским детям подарков, тем лучше будет для всех. Это учитывается в компьютере. Со списком имеющихся вариантов подарков, а это тысячи постоянно пополняемых наименований, вы сможете ознакомиться на нашем сайте в закрытом разделе для сотрудников. Свой аккаунт и пароль получите позже.

- А почему же сайт корпорации на итальянском языке? - спросила Даша.

- Это «зеркало». Просто сайт на домене www.дедмороз_нск.рф сейчас барахлит, его чинят программисты, и мы временно пользуемся итальянским «зеркалом» сайта. Отделения корпорации и «зеркала» сайта с национальными наименованиями Деда Мороза есть в каждом городе-«миллионнике» мира. Дети везде одинаково ждут от него подарков на Новый год и пишут ему письма.

- А если придёт письмо от взрослого человека? – улыбнулась Даша.

- Ну и что?! Так часто бывает! В этом случае проявляйте гибкость и креатив. Так, если взрослый крымский татарин, проживающий в Новосибирске или области, попросит у Аяз Деде в подарок себе на Новый год «Мерседес», подарите его ему, но в виде красивой коробки с макетом автомобиля.

Госпожа Сынягурка тоже слегка улыбнулась:

- Запомните, новогодний подарок от Деда Мороза, это не средство обогащения или выживания, а свидетельство явленного чуда, небесная радость ребёнка, или взрослого, не более. Но и не менее.

Она продолжила:

- Работа, как видите с плавающей нагрузкой по году. В декабре густо, все работаем без выходных, а летом пусто, длинные отпуска. Хотя, например, у китайского языкового сегмента всё по-другому - там Новый год наступает в конце января. Да, да, китайцы живут не только в Китае, в Сибири их тоже хватает. Монголы празднуют Новый год в конце февраля, иранцы в марте, иракцы и мьянмцы в апреле, эфиопы в сентябре, гамбийцы в октябре, гавайцы и йеменцы в ноябре. И у всех есть дети, которые пишут письма с просьбами Деду Морозу. Так что скучать нам не приходится.

Но на этом пояснения не закончились:

- Конкретно, ваша месячная заработная плата будет состоять из нескольких неравных частей: постоянная с авансом пятьдесят процентов, который вы получите уже сегодня, написав заявление о приёме на работу; доплата за количество подаренных вами подарков сверх нормы; премии от производителей и ещё много всяких доплат, надбавок и премий – за креатив, за литмастерство и так далее.

Она продолжила:

- Конвергентор национального языкового сегмента вашего уровня и квалификации у нас получает примерно …сот тысяч рублей. Плюс вам будут доступны различные льготы – бесплатные два билета на любые новогодние представления и мероприятия с участием Деда Мороза; любой бесплатный подарок каждого наименования в списке возможных; бесплатные обеды в нашей столовой по новогоднему меню: колбасные нарезки, красная икра, популярные салаты «Оливье», «Крабовый», «Мимоза», «Селёдка под шубой» и «Винегрет», мандарины и другие фрукты, шоколад, сладкая газировка и прочее. Ну вы с этим меню конечно знакомы. Кроме спиртного! Брать его можно, но употреблять только дома, а лучше - в отпуске.

И наконец, милейшая Галина Микулашевна закончила свою речь:

- Остальное узнаете в процессе работы. Приступать уже завтра, в 8-30, работы сейчас очень много, Новый год на носу! Ну как, согласны?

И тут Даше стало как-то не по себе...

«Чудеса?! Да какие там чудеса, видимо просто так случайно совпало!» - подумала она.

Но вслух сказала:

- Д-да, я с-согласна, к-конечно!

***

И с этого момента жизнь Даши превратилась в Рай. Естественно, как его представляют себе немолодые люди творческих профессий.

Теперь, с раннего утра и до позднего вечера она читала, сочиняла, улыбалась, хохотала, придумывала и рисовала, обильно одаривая крымско-татарских детей всем подряд! И каждое детское письмо было маленьким мирком, где жили мечты и надежды ребят. И Даша погружалась в них, словно ныряла в тёплые морские глубины.

На улице пахло сыростью и выхлопными газами, а в офисе пахло хвоей, мандаринами, кофе и горячим шоколадом. В столовой колбасная нарезка на блюде напоминала карту мира, а красная икра сияла, как рубиновая россыпь. Даша лакомилась всеми этими яствами... и при

этом совсем не думала о деньгах. Они теперь просто у неё были в том волшебном количестве, которое позволяло любой нормальной женщине о них не думать постоянно. Надо – пошла, взяла!

И если это был не Рай, то что тогда Рай вообще?!

Пару раз ей звонил бывший «милый друг» Вася Шестапёров, но она даже не подняла трубку. Всё! Поздно, свободен, ибо бросил её одну в трудную минуту.

Она теперь даже не шла на работу, летела. А потому что там:

«Селям алейкум, азиз къартбаба Аяз Деде! Манъа зовут Джамиля Гафарова. Манъа 8 лет. Мин якши учусь во втором сыныф. Мин умею танцевать халкъый кырым-татарча оюн. Подари манъя, джаным къокълу Барби, она манъа гъает нравится».

«Селям алейкум, азиз Джамиля! Мен рад сенинъ письму. Вот и къарайым на твой оюн, мин гъает люблю на него къарайым. И ещё покажешь манъа свой дневник с хорошими къой-макъ. А за это мин подарю тебе не только къокълу Барби, но и её досты Кена и двухэтажный эв, где они вместе яшайлар. Кёрюшенджже, сенинъ Аяз Деде!»

И роспись Аяз Деде во весь лист на его личном бланке – Даша сама их придумала и нарисовала.

«Та-а-к! Ещё нужно заполнить и подписать форму для комплектаторов корпорации - Барби, Кен, их дом, мебель, машина. Следующий!»

Дома она в декабре практически не бывала. Так только, переночевать, да зарядить полосатому коту Мурзу его миски. Он мальчик самостоятельный, еду потреблял рационально, растягивал во времени. Вдруг мамы Даши завтра вообще дома не будет? Конечно, он заметил перемены в хозяйке. Он вообще был «детектором эмоций»: когда Даша грустная — ложился у двери и строго смотрел, когда весёлая — мурлыкал. И теперь Мурз мурлыкал громче обычного.

Да, иногда она могла и не прийти домой. Во-первых, декабрь, пик рабочей нагрузки. А во-вторых, корпорация постоянно держала несколько стандартных номеров в соседнем IQ Aparts ****, естественно, бесплатных для задерживающихся на работе допоздна сотрудников. Очень удобно!

А ещё коллеги-конвергенторы национальных языков... Со многими она уже познакомилась. В основном, это женщины. Просто замечательные женщины - из учительниц, из переводчиков, разные. Но были и мужчины - моложавые, симпатичные, умные, образованные, воспитанные, спокойные, интеллигентные, вежливые, креативные, начитанные, непьющие (!). Просто замечательные мужчины. Она и не думала, что такие ещё существуют.

И один из коллег, Олег Павлович Сорокин, разведён, в недавнем прошлом редактор детского литературного журнала «Кард» на лезгинском языке, издававшегося в Дагестане, начал за ней ухаживать. А она была и не против. Их разговоры текли плавно, и в его присутствии она чувствовала себя защищённой, как под крылом ангела.

Их отношения развивались стремительно, не дети чай. А перед самым Новым Годом, прямо под бой курантов, Олег сделал ей предложение. Конечно, она его ждала и сразу согласилась, не совсем же дура.

«Чудеса?! Да какие там чудеса, — подумала она, — Просто достойному мужчине понравилась интересная женщина. Он влюбился. А она в него. И что же тут такого? Это жизнь!»

Даша никогда не относилась к мужчинам как к «мясу» для здоровья. «Мясо» быстро надоедало. А поговорить? А рассказать? А послушать? Первый и последний её муж, офицер, вернее, тогда ещё курсант, покорил её тем, что с ходу определил автора «Му-Му» - Ивана Сергеевича Тургенева. И только через много лет, подшофе, он признался ей, что просто запомнил кем-то случайно рассказанный дурацкий анекдот:

Перед памятником Гоголю стоят Брежнев и Суслов. - А скажи, Михал Андреевич, кто «Му-Му» написал? - Тургенев! - Вот и я говорю, Тургенев. А памятник Гоголю поставили!

И больше она замуж не ходила. А зачем? Мужчины у неё случались, бывало, и замуж звали, но элементарную проверку «Кто „Му-Му“ написал?» не прошёл ни один. Так и не сложилось.

Вася Шестапёров... Случайная встреча. Подвёз её, голосующую на обочине Красного проспекта, когда она торопилась на заседание своего литобъединения «Не воробей». Сначала, вроде бы понравился. Весёлый, с деньгами - держал несколько продуктовых палаток и автомойку. Правда, говорил, подставляя междометия «ё», «б» и «нах» после каждого слова, но это сейчас всеобщее, даже дети матерятся.

Ну и закрутилось аж на пять лет. Приходил-уходил, когда хотел. Так и ушёл. Она не держала, но видимо опять он передумал. А она - нет!

***

Вася даже подрался с Олегом, когда как-то вечером всё же подкараулил Дашу у её подъезда на своём чёрном BMW X5, и сломя голову бросился на Олега, вдруг, увидев их, мирно идущих под ручку к ней домой на улице Титова - Ха! Титова живёт на Титова! - от метро «Студенческая».

Олег вовремя увидел и распознал намерения несущегося на них агрессора и встретил Васю прямым в челюсть, зацепив и нос. Кровь брызнула на снег... Ничего страшного, но эффектно, как в кино.

«Ого-о! А здорово ему Олег кулаком по сопатке засветил! — восторженно подумала Даша. — Вот не думала… Боец! А с виду такой интеллигентный дядечка!»

И началось... Битва была недолгой, но серьёзной.

Это не так, когда дерутся дети или подростки - крик, шум, и до первой крови. Взрослые мужики из-за своей женщины дерутся молча и яростно, до смерти. Хорошо хоть никаких твёрдых и колюще-режущих предметов у них в руках не было, не готовились же. А то бы и впрямь поубивали друг друга, с них бы сталось. И ещё хорошо, что была зима - снег, скользко. Оба тепло одетые, соответственно и удары были вполсилы, в падении.

А она бегала вокруг них, копошащихся в снегу, ахала-охала, но хохотала про себя от восторга! Когда битва закончилась, Вася сидел на снегу, хватая его ртом, с выбитым зубом и обиженно вещал:

— Ну ты… б! Я ж тебе на «Шанель» пятеру кинул на прошлое Восьмое марта! А ты б теперь с этим… с очкариком?! Да у него ж б зарплата — как у меня один чек на автомойке, по морде видно, интеллигент недобитый! Ну всё, библиотекарь, капец тебе, потом найду, убью!

Наверное, он действительно её любил, но так и не сумел это сказать. А дома Даша обихаживала Олегу свежие ссадины.

«Это же когда из-за меня мужики дрались-то в последний раз? Да, вспомнила, в Москве, на танцах в клубе военного училища ракетчиков, куда мы студентками бегали по выходным, - подумала Даша. - И тоже зимой, аккурат перед Новым годом. Как в другой жизни было, ох!»

***

Расписались они с Олегом тихо, без гостей и пьянки. Посидели в хорошем ресторане, и всё.

Жить решили у неё, он пока снимал. Свою-то квартиру бывшей жене с дочкой оставил. А у Даши хоть и мелкая, но трёшка, от мамы осталась. И всё там было для жизни, им на двоих - за глаза и уши. А если станет мало, прикупят метры, деньги теперь были у обоих. Или долгосрочную беспроцентную ссуду в корпорации оформят. В общем, варианты были.

Н-да, на двоих... Была бы она хоть на десять лет моложе, родила бы Олегу сына. Дочка у него уже была - шестиклассница Наташа. Она часто к отцу заходила. И Даша была не только

не против этих встреч, но и двумя руками «за»! Прекрасная, воспитанная девочка, отличница, книгочейка, рисовала, уже пробовала слагать стихи.

Её мама слегка загуляла, пока Олег по контракту вкалывал в Махачкале на богатых пап лезгинских деток. Но это было и хорошо *(Ох прости, Господи, за такие мысли!)*. А то как бы они с Олегом встретились?

***

Дома было тепло и уютно. Полосатый котяра Мурз на подоконнике кого-то намывал в гости и что-то говорил спросонья, по-своему, по-кошачьи. Олег уже спал - громко храпел, отвернувшись к стене от света её лампы. Это ничего, что храпел, ей даже нравилось. Он славный... большой и добрый. Любил её, она знала.

Ходячая энциклопедия! Как начнёт рассказывать! Увлекался историей лезгин - леги, лакзы, лекеби. Она и тысячной части не знала о них, кроме, конечно, всем известной «лезгинки».

Наверное, это и было чудом! У неё появилось всё и сразу - любимая работа, любимый мужчина, деньги! Когда она была маленькой, тоже ведь писала письма с просьбами к Деду Морозу, уже и не вспомнить о чём. Может, дошли наконец?!

- Вы так изменились, Дарья Владимировна, - обратилась к ней её начальница Галина Микулашевна Сынягурка. - Похорошели, помолодели, постройнели. Я же вижу!

- С-спасибо, - улыбнулась Даша, она тоже так думала.

А Галина Микулашевна продолжила:

- Главный редактор нашего корпоративного издательства «Волшебная книга» Михаил Потапович Медведев посмотрел рукопись вашего нового сборника детских рассказов и стихов с рисунками. Сказал, возьмёт всё. Просил вас к нему зайти, обсудить договор и гонорар.

«Ох-х, да я с этой своей лучшей в мире работой уже скоро разговаривать стихами начну! От счастья, конечно. На крымско-татарском языке, естественно! Только записывайте!» - радостно подумала Даша.

И ещё у неё случился какой-то эмоционально-гормональный сдвиг. Глаза заблестели, а кожа подтянулась. Её походка снова стала летящей, будто кто-то невидимый подталкивал её в спину В глазах зажёгся давно потухший огонёк, а улыбка больше не казалась вымученной. Лет пять ушло на минус, точно! Она это чувствовала.

«Всё, спать! Завтра рано вставать, работа ждать не будет и письма крымско-татарским деткам сами себя не напишут» - подумала Даша.

Город за окном уже оделся в гирлянды, словно готовясь к балу, а фонари рисовали на снегу золотые дорожки, приглашая на танец. В воздухе кружились снежинки, каждая из которых казалась маленьким чудом.

И вдруг... пришло ощущение начала чего-то нового, светлого и прекрасного - нереального. Снежинки за окном кружились всё медленнее. Кот Мурз вздохнул во сне и свернулся у её ног — этот тихий звук оказался последним, что она слышала, прежде чем всё поплыло...

И приснился Даше сон - яркий, цветной и чудесный...

****

Конец января. Заельцовский парк. Резиденция руководителя Новосибирского отделения корпорации - зимнего волшебника из семьи Дедов Морозов. Кстати, племянника самого главного, из Великого Устюга.

Перед красивыми коваными воротами выстроились в относительно ровную линейку необычные и разнообразные транспортные средства: голубой вертолёт, серебристые автомобили-кабриолеты; сани-розвальни с медвежьими полостями и впряжёнными в них тройками лошадей; обычные санки с одной лошадкой, оленем или осликом; роскошные снегоходы Ski-

Doo; большие трёхколёсные велосипеды на «зимней» резине и даже одна садовая четырёхколёсная тележка. Отдельно свалены в кучу охотничьи лыжи и коньки-снегурочки на валенки. Поодаль пришвартовался к забору приличных размеров голубо-снежный дирижабль с надписью на боку «С Новым годом!»

В конференц-зале резиденции за длинным столом сидели все национальные зимние волшебники мира. Проходило заседание Совета директоров Новосибирского отделения международной транснациональной корпорации с множеством названий, но единой, по сути.

В повестке дня заседания числились вопросы:

1. Утверждение результатов празднования прошедшего Нового года по версии русского царя Петра I, то есть, первого января.

2. Планы на следующий Новый год.

3. Разное.

Результаты уже утвердили, планы наметили. По третьему пункту докладывала член Совета директоров Галина Микулашевна Сынягурка.

- Галю-Галичка, сынягурочка, дочка, короче! – кричали ей из-за стола старшие коллеги в расшитых шубах и валенках. - Кого одарить, кого наградить и айда в трапезную, есть уже охота!

- Я подготовила список сотрудников на одаривание в январе по результатам года! Голосуем сразу списком? Хорошо! Принято единогласно.

Галина Микулашевна отложила бумаги.

- Один случай особый. Новый, вернее, новая конвергенторша по крымско-татарскому языковому сегменту - Дарья Владимировна Титова. Да, да, ваш куратор, уважаемый Аяз Деде. У неё за месяц – новая детская книга весёлых новогодних рассказов и стихов с рисунками на крымско-татарском языке. Всё уже в нашем издательстве у господина Медведева. В следующем году разложим их по подаркам, если останутся. Если нет, допечатаем. И самих подарков крымско-татарским детям она подарила в три раза больше нормативного количества.

- Это да, пришлось нам пошевелиться, пока всё развезли и вручили, - улыбнулся в усы тюркский зимний волшебник Аяз Деде.

От остальных коллег он отличался национальным синим кафтаном, кожаными сапогами, вместо валенок, и шапкой своеобразной формы. Ездил на тройке лошадей.

- Одна девочка, Джамиля Гафарова её зовут, - продолжил Аяз Деде, - так здорово нам станцевала, уезжать не хотелось. Ну и мы... она аж застыла от восторга, когда коробку с подарком открыла. Хорошо!

- Н-да, хорошо... - мечтательно улыбнулся председательствующий. - Так какие предложения по Титовой?

- У неё там вроде «вторая молодость» нарисовалась, замуж вышла. Минус пять лет?! - задумчиво протянула Галина Микулашевна.

- Коллеги! Давайте дадим ей не пять, а двадцать лет! Нам же будет лучше… за эти двадцать лет она прочитает еще миллион писем. Утверждаем? Единогласно! Галю, доченька, сынягурочка наша любимая, запиши Титовой минус двадцать лет в список на одаривания в январе, и айда уже в трапезную!

***

Через некоторое время.

От мягкого толчка в животе Даша проснулась и открыла глаза. Кот Мурз, почувствовав её пробуждение, громко замурлыкал, прижимаясь к её животу тёплым боком.

Она задержала дыхание, прислушиваясь к себе. Снова. Легкий, но настойчивый тычок под ребра. Не показалось. Она встала с постели и быстро накинула халат поверх сорочки. Подошла к большому зеркалу и осторожно провела рукой по животу. В свете бра на неё смотрела молодая красивая женщина, почти девчонка. Беременная... как минимум, в конце второго три-

местра! В комнате царила особая атмосфера — воздух будто звенел от предвкушения чего-то важного.

- Неужели это правда? — прошептала она, не в силах поверить в происходящее.

Она вспомнила... в том её чудесном сне было про омоложение... но она до конца не верила. А уж про беременность… даже не мечтала.

«Чудеса?! И впрямь чудеса, так получается! Да справлюсь ли?» - подумала Даша.

- Олег, проснись, он пинается! – она слегка потормошила спящего мужа за плечо.

- М-м-м, Дашенька, кто пинается? Я сплю!

- Ну ты что, дурак, не понимаешь?

- А-а-а-а! Ура-а!

Свои

Зимой 1975 года Антону почти четырнадцать лет. Он семиклассник и недавно пришёл из школы.

Небольшая двухкомнатная квартира «хрущёвка-распашонка» на втором этаже панельной пятиэтажки, с пятиметровой кухней и совмещённым санузлом. Балкон с ограждением из прутьев и верёвками для сушки белья. Крашеный дощатый пол. Высота потолка два с половиной метра.

Обстановка в квартире самая простецкая. Ковёр как у всех - на стене. Круглый раскладывающийся стол с «венскими» стульями. Сервант, он же книжный шкаф, с самой обыкновенной посудой. На открытых полках - о, бальзам для души подростка! - несколько небольших собраний сочинений Пушкина, Лермонтова, Чехова и толстый «Словарь иностранных слов». На тумбочке в углу чёрно-белый телевизор «Радий». На нём красивая белая шитая салфетка углом под статуэткой «Девушка со снопом». Плоская трёхрожковая люстра. Всё!

Обед, который ему на кухне оставила мама *(только разогреть!),* Антон давно уже съел и теперь просто валялся на диване с книжкой. Пора вставать! Скоро с работы придут родители. И еще младшего брата - «разбойника» Женю, младше Антона на восемь лет, приведут из детского сада. Потом обязательная вечерняя программа: школьные уроки, короткая гулянка и перед сном любимое дело - поболтать с батей.

Батя

Батя в юности служил во флоте и когда рассказывал про службу, любил приукрасить:

– Шли мы Сангарским проливом. Слева японцы, справа американцы. И вдруг…

Антон замер от удовольствия. Эту историю о приключениях балтийского линкора «Марат» в Японском море он уже слышал. И как линкор чуть не утонул, наткнувшись на сорвавшуюся с якоря японскую плавучую мину, ещё с войны. А батя его спас, вовремя углядев ту мину в морской бинокль. Ночью, в шторм!

И как батя у замполита выиграл отпуск из трёх партий в шахматы. Но про отпуск похоже правда. По некоторым сведениям, именно в этом отпуске он и встретил маму Аню в заводском общежитии, где его мама - бабушка Дуся, работала вахтёром.

А по правде, которую батя рассказал Антону несколько позже, когда тот уже вырос, он служил в городе Советская Гавань во «Флотском экипаже». Это такая воинская часть, где раз в полгода со всей страны принимали, стригли налысо и переодевали в морскую форму испуганных похмельных оборванцев. За месяц проводили с ними «Курс молодого матроса», организовывали приём воинской Присяги и отправляли служить в береговые части, подплав и на корабли Тихоокеанского флота.

И там была так называемая «переходящая рота», куда списывали всех флотских залётчиков – пьяниц, драчунов, дезертиров, самовольщиков и пр., в том числе и для отправки их в ДР - дисциплинарные роты, дисбата на флоте не было. И наоборот, освобождённых из ДР принимали для отправки в обычные части.

В ДР матросов определяли по приговорам флотского трибунала. Максимально им там давали до трех лет и это не считалось судимостью. Но если матрос был достоин большего, его везли в городскую тюрьму и передавали в гражданское судопроизводство.

Старшины постоянного состава в такой необычной роте ещё то зверьё и способны «выключить» любого матроса с одного удара. Их так туда и подбирали, способны «выключить» или нет? По-другому там нельзя, такой контингент. И батя был именно таким старшиной - мог.

К своим двадцати годам – опытный уличный боец, взращённый во множестве кулачных боёв и поножовщин без правил – длинноногий, мускулистый, не боялся ни чёрта.

Но один раз «выключил» не он, а его.

Юнги Тихоокеанского флота

В один недобрый день осени 1950-го года, в переходящую роту совгаванского «Флотского экипажа», в количестве двадцати человек, все уже в возрасте 23-25 лет, из «Пансионата «Белый лебедь» - так называли ДР на Русском острове под Владивостоком, в котором они то ли отслужили, а то ли отсидели по три года, прибыли бывшие юнги.

Они, будучи мальчишками, во время войны, кто как - оказались в боевых частях и на кораблях Тихоокеанского флота. Потому и юнги, а не «сыны полков». Многие имели правительственные награды. А в 1945 году, по осени, кому из них исполнилось полных восемнадцать лет, всех их призвали на срочную службу: на флот - на пять лет, не засчитав военные годы.

И это им очень сильно не понравилось. Тем более, что прибыли они не на дембель, а дослуживать, так как время, проведенное в «пансионате», как и войну, им также не засчитали. Дрались они страшно, смерти и ДР не боялись.

И все эти юнги отдельным взводом поступили под начало молодого старшины - бати. Ну как под начало... Конечно, формально. Какое им начальство из старшин, они офицеров-то на «нефритовом жезле» вертели.

И все бы ничего… Все знали, что не надо юнг трогать попусту - во избежание. Перебиться пару недель, пока их всех писари по разным частям не пропишут, отправить туда, да и всё, забыть!

Но один «сундук» *(мичман)*, в недавнем прошлом колхозный тракторист из Нахичевани, про такое явление как юнги слыхом не слыхавший и по-русски говоривший не очень – взял и послал этот взвод во главе с батей на разгрузку угля. Ну как же, матрос без работы - плохой матрос.

Был выходной, все офицеры в городе, и никто этого «командира» не остановил. Делать нечего, приказ есть приказ. Кое-как построились и вразвалочку пошли в город.

Пришли они на станцию. Там стояли вагоны с углём, на угле лежали лопаты, а рядом пустые автоприцепы. Но как батя не командовал, никто ничего разгружать не стал. Батя орать, а ему спокойно так:

- На-ка тебе, салага, деньги и сбегай в магазин за водочкой! И колбаски купить не забудь. На обед мы в часть не пойдём, здесь перекантуемся.

Через час пришёл «сундук» и стал батю мотивировать - с «губы» у меня не вылезешь, старшина, и все такое. Батя молодой, жизни не знает, начал орать на юнг. И всё! Один удар лопатой по голове и солнце погасло.

В госпитале к бате пришёл дознаватель военной прокуратуры, мол, давай, старшина, рассказывай, что да как было. Кто бил, кто не подчинялся?

- Споткнулся, упал, ударился головой о железную балку.

Дознаватель спорить не стал:

- Ах-х упал? Ну-ну.

Все записал в протокол, дал расписаться и ушёл.

А когда батя пришёл в роту из госпиталя, ему в тот же день объявили пять суток гарнизонной гауптической вахты. А что бы не лгал органам дознания! Просидев там на хлебе и воде - а в Совгавани «губа» ох-х злая - батя, худой, грязный и тоже злой, вернулся в роту. Вроде бы всё, за один косой на флоте два раза не наказывают.

И точно... К бате подошли те юнги. По-доброму. Принесли поесть, выпить, мол, молодец, старшина, что не заложил. А один вообще «зёмой» оказался, из одного города.

Так они с батей и скорешились, и как оказалось, на всю жизнь, став, можно сказать, родными людьми. Хоть у каждого из них была своя жизнь, они всегда были рядом друг с другом.

Председатель

Этот юнга-зёма, после службы трудился председателем огромного пригородного садоводства «Здоровье». Оттуда и его «погоняло». В узких кругах городского милицейского начальства и криминалитета он был хорошо известен. У него: четыре года войны + три года ДР + пять лет срочной службы! Итого: двенадцать лет службы Родине!

Так он и приехал на дембель с двенадцатью шпалами на рукаве бушлата. Тогда солдаты и матросы срочной службы носили на рукаве желтые нашивки - «шпалы», по годам срочной службы. И не один патруль его не заставил эти двенадцать шпал срезать. А потому что, все по закону и в военном билете отмечено.

Он серьёзный товарищ этот Председатель, и на всю местную шпану плевать хотел. Вокруг него сбились в группу человек двадцать, таких же как он - фронтовиков и бывших штрафников, а это ой-й какая сила!

Батя рассказывал, что когда после смерти Сталина в город хлынули толпы амнистированных уголовников, именно группа Председателя с попущения милиции устроила им та-а-акой геноцид... Нет бандита, нет проблемы.

Тогда на танцы в рабочий клуб блатные ходили с финками за подвёрнутыми голенищами сапог. По моде, с напущенными на них штанинами. А у бойцов Председателя там же, за голенищами, были пистолеты. Эхо войны!

Брат

Пришли с работы родители, привели из садика «разбойника» Женьку. Того ещё кадра, хоть и маленького.

Главным его сокровищем был американский большой красный трактор на четырех плоских батарейках. Где его такой великолепный добыл добрый дядя «Председатель» и подарил брату на день рождения, неведомо. Но трактор блестел, поршни его прозрачного двигателя двигались, он умел разворачиваться на месте, ездил туда-сюда и гудел как паровоз.

Прикасаться к трактору никому нельзя было категорически! Только смотреть, да и то с разрешения маленького хозяина, когда он был добрый.

Иногда брат ненадолго выносил свою прелесть во двор и всем желающим демонстрировал её в движении. Все цокали языками и прелесть быстренько уносилась назад.

Всё тот же добрый дядя Председатель подарил своему любимчику, уже первокласснику, брутальные водонепроницаемые часы со светящимися цифирками – «амфибии», из экипировки подводных разведчиков и диверсантов. В новых часах Женька вообще на улицу не выходил, а показывал их своим дружкам только дома. По десять раз на дню они топили эти часы в банке с водой, засекали время и цокали языками.

А потом в жизнь брата пришла водка и стала в ней главной.

При том, что здоровье у него было лошадиное. Он как-то ненадолго протрезвел и решил начать новую жизнь. Купил путевку в недельное конное путешествие по горам. А там потребовали медицинскую справку, и он пошел за ней в поликлинику. Антон видел эту справку. Все показатели в норме! Только верхнее давление чуть высоковато, 130.

- А это не опасно?! – приставал к нему брат.

В итоге, напрочь запутавшись в отношениях с женщинами и кредитах, он записался штурмовиком на СВО. В первом же бою попал под прилёт, но выжил! Получил инвалидность, бросил пить и пошёл работать завхозом в школу. Счастливы все!

Мама Аня

Мама Аня женщина суровая. Заводская рабочая, дитя войны, выпускница детского дома. Сама она про детдом никогда не рассказывала, но позже Антон нашёл и прочитал в Интернете воспоминания ее товарок, как они жили в том детдоме в войну. Девчонки ее звали Нюрой. Плясунья была отчаянная, пела в хоре.

Кстати, нормально они там жили, без ужасов. Не голодали, ездили с концертами по госпиталям, за лошадьми ходили, на детдомовском огороде овощи выращивали. Из солдатских трусов, а других и не было, сами шили себе девчачье бельишко.

Нюру и ее сестру Фросю привез в детдом председатель их колхоза. Мать их умерла зимою 1942 года. Надорвалась на колхозной работе и умерла, не встала с утра на работу. А голодные сестрички доходили в нетопленой избе рядом с мёртвой матерью.

Тогда председатель завернул девочек в один тулуп и на санях отвез в район, где сдал в детдом. Поклон ему до земли, инвалиду Гражданской войны и русскому пьянице запойному! Не выжили бы сестрички без него.

Пока обе не вышли замуж, ездили они в этот детдом на каникулы и в отпуск. Больше некуда было. Обе красавицы были невозможные, Антон видел их на фото того времени.

Как-то на трамвайной остановке маму Аню окликнул какой-то мужик:

- Аня! Помнишь меня, детдом?

И как она рванула от него, волоча маленького Антона за руку. Не захотела вспоминать.

Она в конце шестидесятых, по-тихому крестила Антона с братом. Маленький подвиг это был по тем временам, ибо комсомолкам сие не разрешалось. Оба раза в обед убегала с завода и крестила. Видимо заранее договаривалась с батюшкой. И молчала мышкой. Но Антон знал где у неё их крестильные крестики лежали. Простые такие, алюминиевые, на синей тесёмке.

Мама Аня всех своих любила, но что такое хорошо, а что такое плохо, она знала по-своему. А на чужое мнение по этому поводу ей было наплевать. Запросто могла пройти по карманам насчет денежной неучтёнки и сигарет. Могла без спроса сдать в комиссионку отцовский выпрямитель и т.д. Но все её тоже любили.

Мама Аня на четыре года моложе бати. Антон и Женя у них поздние дети. Еще был первый, Павлик, но в пять лет он умер от неизлечимой болезни. Как родители это пережили и остались вместе, Антон не представлял! Видимо просто любили друг друга, вот и остались.

Бабушка Дуся

Батина мама - Евдокия Матвеевна, Дуся. Она умерла, когда Антону уже было семь лет и он собирался в первый класс! Поэтому он помнил её достаточно хорошо.

Дуся не вынесла смерти первого внука - пятилетнего Павлика, и что-то в ней после этого сломалось. Она сильно похудела, начала заговариваться, перестала узнавать окружающих, бросалась на них и признавала только батю - своего сына. Пальцы на её руках скрючились и стали сильно дрожать.

Кормил её батя с ложечки. Сама Дуся удержать её уже не могла и ела мало, без аппетита. Но в больницу её не отдавали, своя же, родная, и Дусина железная кровать до конца её жизни стояла в кухне их первой однокомнатной квартиры.

Эту квартиру батя получил, работая на стройке. Тогда так можно было получить квартиру, и очень даже просто и быстро. Завод строил много жилья для своих рабочих, и если было нужно получить квартиру побыстрее, люди на год отрывались от станков, где очень прилично зарабатывали на сдельной, и шли работать разнорабочими на стройку.

И вот как такое бывает?! Дуся же столько вынесла...

Голод в деревне, после которого её муж Гриша, отличный штукатур, бросил хозяйство и двинул с семьёй в город, спасаться. Здесь они и встретили воскресенье 22 июня 1941 года. Гришу забрали на войну мгновенно и Дуся с двумя детьми-подростками - батей и его сестрицей Машей, без каких-либо средств к существованию зимовали в землянке. И не одни они.

А морозы той зимой стояли под сорок. И только когда весной 1942-го на Гришу пришло извещение-«похоронка», Советская власть выделила вдове погибшего воина каморку в заводском женском общежитии и устроила её туда работать вахтёром и уборщицей. И это было огромное облегчение!

***

Война закончилась. Семья переехала в большой барак, построенный пленными немцами, и заняла там целых две комнаты. Такие бараки немцы строили быстро, засыпая дощатые стены угольным шлаком из заводских печей для разогрева чугунных слябов. Вода из колонки, туалет и дровяная сарайка во дворе. Красота!

Дети выросли. Маша вышла замуж за капитана-фронтовика Николая Николаевича, намного её старше. Он увёз молодую жену на край света, на только что отвоёванные у японцев Курилы. А батя после окончания семилетки пошёл работать учеником слесаря, и в 1949-м году его призвали на флот.

Когда он приехал домой в отпуск, честно выиграв его у замполита «Флотского экипажа» в шахматы, вот тогда-то и присмотрела ему Дуся невесту - фрезеровщицу Аню, девушку красивую, серьёзную и не подверженную разгульным общагинским нравам.

- Анечка, - улыбаясь, Дуся позвала к себе на вахту девушку, только что вернувшуюся со смены, - А к тебе пришли!

Аня удивлённо вскинула брови, она никого не ждала. И вдруг...

За вахтой поднялся во весь свой богатырский рост и пошёл к ней навстречу, протягивая руку с букетиком ромашек, стройный темноволосый красавец в ошеломительной морской форме: в белой фланелевой рубахе с полосатым «рябчиком» на груди и синим воротником-гюйсом с тремя пенистыми волнами по краю; с погонами старшины первой статьи на плечах - по три золотых полоски на белых квадратах; в широченных клешах, перехваченных на бёдрах чёрным кожаным ремнём с сияющим якорем на массивной бронзовой бляхе: в белой бескозырке с красной звездою и золотыми якорями на двух чёрных ленточках с надписью золотом «Тихоокеанский флот»!

«Ассоль зажмурилась; затем, быстро открыв глаза, смело улыбнулась его сияющему лицу и, запыхавшись, сказала: — Совершенно такой.» (А.С.Грин. Алые паруса)

Так и Аня. Только в отличии от Ассоль, она молчала, замерев от такой красоты.

- А это мой сын! - сказала Дуся. - В отпуск приехал. Пойдёшь с ним в кино?

Аня молча кивнула, приняла букетик, и они с батей пошли в клуб, где в тот день крутили «Секретную миссию». Так и началась их история любви. Через две недели батя уехал дослуживать в Совгавань, а Аня, собрав свой невеликий чемодан, переехала из общежития к Дусе в барак. Вдвоём ждать любимого веселее!

Так они много лет вместе смеялись и варили варенье.

***

Родители боялись оставлять маленького Антона с больной бабушкой, мало ли что, и поэтому с утра водили его в детский сад, забор которого выходил прямо во двор их дома.

В садике было хорошо. Там детей вкусно и сытно кормили, играли с ними, но дома было лучше! И как-то по зиме, Антон, в цигейковой шубе на крючках вместо пуговиц и в валенках, на прогулке мгновенно протиснулся между прутьев забора и задал стрекоча в направлении родного подъезда. Бедная воспитательница, на глазах которой и совершился дерзкий побег, покричала ему вслед, пометалась вдоль забора, до этого считавшегося непреодолимым,

и подняла тревогу. И правильно сделала, все знали, что сейчас у Антона дома только больная бабушка.

Антон же, поднявшись на свой шестой этаж, попинал валенками в дверь квартиры и громко прокричал:

- Эй, Дуся, открывай, это я пришёл, Антон!

Дверь открылась, он вошёл, дверь закрылась и больше не открывалась, несмотря на мольбы трёх преследователей шустрого беглеца - воспитательницы, заведующей детсадом и вызванного ими милиционера.

Через час, когда с работы по звонку приехал встревоженный батя и открыл двери в квартиру своими ключами, его глазам предстала такая картина...

На кухонной табуретке стоял Антон, распевая какую-то весёлую песню. Его валенки и не до конца расстёгнутая шуба, видимо попросту стянутая через голову, валялись на полу. А вокруг него металась озабоченная бабушка Дуся, пытаясь с ложечки (!) покормить его кашей.

Дед Гриша

Деда Гришу Антон нашел совсем недавно. По извещению-«похоронке». Осталась она, проклятая желтая бумажка. После бабушки Дуси так и лежала в её старых бумагах.

Погиб Гриша в феврале 1942 года «...в районе села Спасская Полисть Чудовского р-на Ленинградской области». Рядом с печально известным Мясным бором. Это там, где Вторая ударная армия полностью легла в болотах.

Поехал Антон туда на машине деда Гришу искать. Нормально доехал до тех мест. Сначала по обелискам смотрел. Аккурат, в начале мая это было. А обелисков там… И везде их мыли и красили. Машины стояли рядами. Со всей России, из Украины, из Казахстана. Везде люди, люди. Своих приехали навестить перед Праздником.

В общем, по обелискам он Гришу не нашёл. Аж в глазах замельтешило, сколько там фамилий на пилонах. И так еще, таблички на газонах.

Поехал он тогда в Трегубовскую сельскую Администрацию, где ему сказали, все тамошние воинские захоронения стояли на балансе. Встретился с председателем. Вернее, он сам к нему на «Ниве» приехал по звонку. Мол стойте, где стоите, я сейчас к вам подъеду.

Ну что сказать… Антон и не видел таких чиновников больше нигде. Все в этой Трегубовской сельской Администрации... такие. Всё аккуратненько у них, каждый человек на учете. Два часа они искали Гришу по своим спискам. Не нашли! Все расстроились конечно.

- А не расстраивайтесь, - говорят ему, - Пишите заявление, прикладывайте к нему копию похоронки, мы пошлем это всё в военкомат на проверку и увековечим вашего Гришу. Наши поисковики до сих пор по сто пятьдесят - двести человек каждый год с болот поднимают. Это уже считайте две полных дивизии подняли. А сколько там ещё лежит…

Так он и сделал, написал заявление и уехал домой! Через месяц ему пришло официальное письмо с фото.

Ну и вот он теперь, их родной Григорий Степанович, «уроженец села Прокофьевского, Казанского р-на, Омской обл.». Золотыми буквами прописан на белом мраморе красивейшего мемориала «Любино Поле» в Новгородской обл. На новых плитах, рядом с такими же красноармейцами, недавно найденными поисковиками или установленными по похоронкам. Уже и не по алфавиту.

И теперь Антону есть куда приехать - помянуть деда Гришу.

Отец Модест

Сам Антон человек верующий, но воцерковлён относительно недавно, семья не была религиозной. За пять минут его воцерковили.

Когда батя ушёл из жизни, Антон переживал страшно. В общем, запил он с горя, чего уж там трезвенника из себя корчить.

Как-то ехал он в город с дачи, после трехдневной встречи с алкоголем. Дела уже не ждали. Увидел, на трассе стрелка самодельная - направо, «Храм».

«Надо же, тысячу раз здесь ездил, а стрелки не видел» - пронеслось в голове.

Дальше, всё на автомате, как кто-то другой руль крутил. Повернул Антон в небольшой поселок, а там на площади деревянный Храм. Зашёл внутрь. Пусто, служба уже закончилась. За прилавком со свечками стояла женщина:

- Чего вам?

Но приветливо спросила, без агрессии.

- Да я и сам не знаю. Вот отец умер, может панихиду заказать?

- Подождите, сейчас отца Модеста позову, он еще не ушел, по-моему, - вышла из-за прилавка женщина.

Она вернулась и через минуту из алтаря вышел старенький благообразный священник. Он взял Антона за руку, подвёл к поминальному столику и сказал:

- А давай за твоего папу помолимся. Как его звали?

- Да я не умею...

- А ты просто стой, да подпевай, там несложно.

Отец Модест зажёг свечи. Размахал кадило. Еще служка подошел. Он при Храме жил, шибко верующий. Про него говорили, что у него свой личный Иисус Христос, индивидуальный. И они втроем отслужили самый настоящий заупокойный молебен по бате.

И что-то в Антоне тогда щёлкнуло. И потом пять лет как заведенный ездил к отцу Модесту - и на службы, и домой. Ясное дело, не с пустыми руками. Ограду новую, кованную, вокруг Храма поставил, аналойчики новые дубовые справил под иконы, и много ещё чего нужного в Храме сделал.

А потом отец Модест умер и из епархии прислали молодого, но о-очень активного настоятеля с четырьмя детьми. А когда у тебя четверо детей, ни до кого тебе дела больше нет, чтобы ты не говорил. Проверено! Деньги, деньги и только деньги!

И на том походы Антона за благодатью закончились, и этому были причины. Теперь только так - захотел помолиться, сходи помолись, на службе постой, свечки поставь, записки напиши, в кружку положи. И всё, никаких близких отношений с клиром. Целее будешь… и богаче.

Дед Сима

Сима - родной дед супруги Антона, но давно уже их общий. Семён Иванович. Настоящий герой, вся грудь в орденах и медалях! Артиллерист, зенитчик, защищал ленинградское небо в Пулково, а потом ещё и московское - в Тушино. С двумя тяжелейшими контузиями, но выжил.

И он как-то под рюмочку рассказал Антону вот такую историю про жизнь и смерть на войне, и которую вряд ли где опубликуют.

В сентябре 1941-го года, Симу, молодого лейтенанта и коммуниста, послали с секретным пакетом из его части в Пулково, в Главный штаб, что был на Дворцовой площади. Ещё трамваи ходили.

Приехал ранним утром Сима на трамвае на Невский проспект, народу - тьма тьмущая. Хотя фрицы уже и Бадаевские склады разбомбили, да и так постреливали, но кабаки ещё работали. Ну и зашёл Сима в какой-то подвальчик, время было. Взял сто граммов водочки, закусить, то-сё. Видит девушка симпатичная, заметила его, улыбнулась, подсела.

- Давай, - говорит девушка, - солдатик, за Победу!

Ну и дали они с ней. Чего уж там она ему подлила... В общем очнулся Сима вечером в какой-то грязной ленинградской подворотне. Без сапог, без пистолета, без документов… и без секретного пакета из части.

Босиком пришел он на Дворцовую площадь, коммунист же. Мол так и так. Умирать пришёл, ясное дело, виноват, а время военное. Его сразу в конвойную, мол сиди тут и жди расстрела. А по тем временам расстреливали ещё не сразу, а проводили дознание и бумаги оформляли.

Пришёл дознаватель, пожилой майор, и начал писать бумагу:

- Фамилия? Имя? Отчество? Где родился? СТОП! - Так ты что, Ивана сын?! – закричал дознаватель, - Да мы же с твоим отцом всю Гражданскую прошли. Я же дядя Николай! Он же тебе про меня рассказывать должен был?!

– Рассказывал, товарищ майор, много рассказывал, - проблеял Сима. - И как вы потом вместе в уезде учительствовали.

- Да как же ты так умудрился, Семён?!

Короче, отмазал Симу дядя Николай. Сапоги ему принёс ношеные, бумагу какую-то с печатью дал, и пинком в часть, дальше воевать.

Судьба!

Тот дядя Николай был одиноким, умер в семидесятых, и вся семья с тех пор ходила к нему на могилку как к своему, он же деда Симу спас. Прибирали, красили, молились за него. Да, да, и Сима тоже молился Богу, причём всю жизнь. Антон его спрашивал, как так, офицер, коммунист? А он на Антона посмотрел, как на недоумка:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.